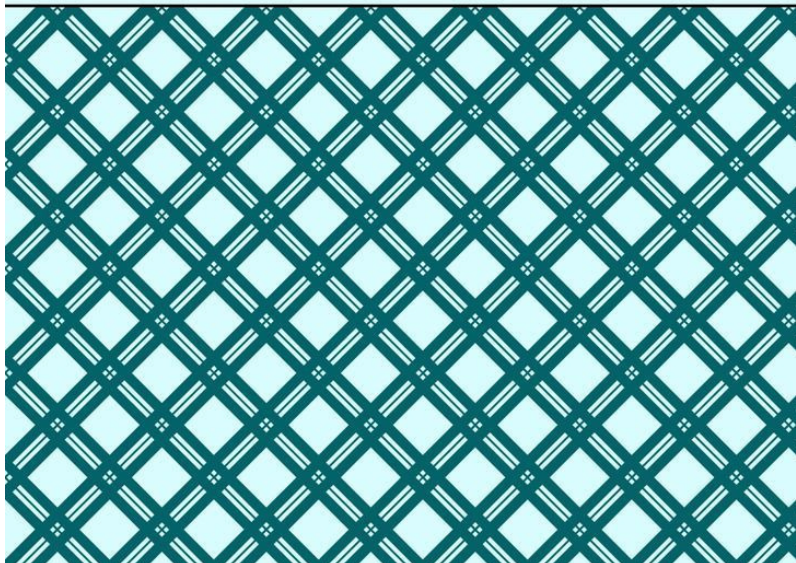

18 Даниил Михайлович
Белокопытов

*Дневники
и мемуары*

Даниил Михайлович Белокопытов

Дневники и мемуары

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71731147

ISBN 9785006563230

Аннотация

Данное издание представляет собой собрание записей, которые вёл в 20-е, 30-е, 40-е, 50-е и 60-е годы прошлого века Даниил Михайлович Белокопытов.

Содержание

I. ДЕТСТВО	5
II. ЮНОСТЬ	17
III. СЛУЖБА В АРМИИ (СТАРОЙ)	21
IV. ПЕРИОД В ГРАЖДАНСКУЮ ВОЙНУ	31
V. НАЧАЛАСЬ ГРАЖДАНСКАЯ ЖИЗНЬ	70
VI. СЕМЕЙНАЯ ЖИЗНЬ	75
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Дневники и мемуары

Даниил Михайлович Белокопытов

*Жизнь человеку даётся один раз.
Прожить её надо так, чтобы труды
человека были полезны всему
обществу. Тогда она интересна
и значительна, прекрасна!*

© Даниил Михайлович Белокопытов, 2025

ISBN 978-5-0065-6323-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

I. ДЕТСТВО

На северо-восточной окраине скромного села Большого Яблонова Корочанского уезда Курской губернии в семье крестьянина-бедняка Белокопытова Михаила Ивановича и его жены Анастасии Матвеевны родился (пятый по счёту) сын. Имя ему священник нарёк Даниил. Но его появление на свет не радовало родителей. Во-первых, в бедной семье излишний рот ещё больше осложнял положение. Во-вторых, это уже пятый, хотя в живых было четверо.

В-третьих, его рождение появилось в разгар начала страдной поры (уборки урожая), т.е. 9 июля 1898 года. Поправиться матери и укрепнуть молодому организму ребёнка не пришлось. 11 июля матери с младенцем отправиться в поле на вязку стогов, прихватив с собой и «няньку» – восьмилетнюю дочку Мотю. Вот и закалялся молодой организм под крышами стогов, привыкая к мошкам и паутам. По рассказам матери, некогда было часто подходить к ребёнку, а «няня» сама больше плакала, чем ребёнок.

Мать, можно сказать, единственный работник был в поле и дома. Отец больше всего находился в заработках. Летом от занимался сбором тряпок и яиц, беря деньги для сборки у хозяев, которым поставлял эти товары. В зимнее время ходил по домам кулаков, расчёсывал шерсть (на лучке) и валял для них потники для хомутов, принося жалкие заработанные

гроши. Свободное время от работы – дома плёл лапти для своей семьи и другим семьям по 20 коп от пары.

У матери не было ни одной минуты свободной. Работа на семью, управиться надо было на огороде, в поле, кроме этого ходила на подёнщину к кулакам. Но что за это платили бедной женщине? Кусок хлеба! Хорошо мне помниться такой случай.

В зимний трескучий мороз она молотила (цепом) рожь у своего богатого свояка Никонова Михаила. Ушла она тёмно и пришла в 11 часов ночи. Принесла, за этот адский труд, 6 фунтов печёного хлеба, на который мы с жадностью четверо набросились и съели весь. Мать не могла удержаться и горько заплакала. Сказала «Без роздыха и отдыха молотили в три цепа (3 человека) намолотили 10 копён, перевеяли на веялке и переносили, и за весь этот адский труд, а накомила вас один раз».

В то время мне было лет 8, но я тогда понял, что богатые такие жадные и бесчеловечные. После моего рождения через 2 года родилась сестрёнка, но она долго не жила и месяцев через пять умерла. Мать рада была что «господь» её прибрал. Но этим не закончилась беда. В 1903 году родился брат Никифор. У этого организм был крепкий и он остался жив. А через 2 года брат Василий, а через 2 года брат Гавриил. Но бедность всё больше и больше проникала в нашу семью. Столыпинская реформа ещё больше усугубила положение бедных крестьян. Так дальше жить было невозмож-

но. Началось переселение в Сибирь. Отец отправился туда в поисках счастья, продав дряхлую избушку за 40 руб. и три надела земли, т.е. три десятины, по 60 руб. Был он в Томской губернии, Кузнецкий уезд село Еланди. Прожил там лето 1908 г. и вернулся ни с чем.

Ехать туда с семьёй (8 человек), старшей дочке было 17 лет, все остальные малыши, было не с чем, по приезду надо сразу идти в батраки всем. Решили остаться на месте. Избушку вернули и осталось шесть саженей огорода, вот и всё.

Такое положение обрушилось на семью двойным ударом. Братишка Василий 4-ёх лет стал полным рахитиком, на ножки не становился, помучился и умер. Ещё меньший братишка Гавриил ослеп, но через полгода умер. Но мать пролила реки слёз за это время. Мать, сестра ходили на подёнщину, старший брат (14 лет) нанялся в батраки. Я оставался за домохозяйку дома. Помощником моим был брат (6 лет) Никифор.

Осенью 1907 году мне надо идти учиться в школу. Повёл в школу меня старший брат Егор. Учитель Михаил Иванович Смирнов ласково встретил, пристально присмотрелся на меня и сказал: «мальчик ещё мал и ему придётся ходить в школу на следующий год». Я очень огорчился, потому что страсть была к учёбе. Брат мой ответил, что ему десятый год пошёл, он такой маленький ростом, а всё понимает, знает молитвы, стихотворения.

Действительно, я был мал ростом, от брата научился мо-

литвам и стихотворениям. Учитель согласился зачислить меня в 1-ый класс, к учительнице Любове Карповне, а фамилию её так и не знаю. Это была молодая, стройная девушка из города, лет 20-ти, с душой и сердцем человека. Она передо мной и сейчас стоит в живом образе.

Она знала всех учеников, как они живут, хотя в классе было 38 мальчиков и 2 девочки. По моей одежде и обуви она сочувствовала мне. Посещал я школу в лаптёнках, крестьянская свиточка, старая, отцовской штопки, холщовые штанишки и рубашонка (окрашенная в синий цвет). Но учился я с большим прилежанием и старанием. Из всех 40-ка учеников Любовь Карповна очень любила двоих: меня и Кирдеева Захара – тоже из бедной семьи и занимался хорошо. Однажды она оставила нас двоих и стала по душам беседовать. Выяснила все стороны, а потом в заключении спросила: «А что если вы закончите эту школу, желаете ещё дальше учиться?» Мы отвечали, что желаем, но где, как и за что учиться? Наши родители не в состоянии нас дальше учить. Она ответила нам: «Вот кончите эту школу, я постараюсь вас устроить в школу второй ступени на государственный счёт». Это ещё больше зажгло в нас желание к учёбе. Я не считался с временем, гулял мало, вечерами учил уроки и утром рано вставал и под каптушкой учил уроки, пока отец наварит завтрак. Учился я до марта месяца, а в марте меня сорвали из школы, родители хотели весной уехать в Сибирь.

На осень я опять вернулся в школу, сел опять в 1-ый

класс, но меня прогоняли во 2-ой класс, т.к Любовь Карповна перевела меня во 2-ой класс, хотя я не доходил 2 месяца в первый класс. Я всё-таки не пошёл, боясь осрамиться, отставать от своих сверстников. К сожалению, и Любви Карповны на этот год не было в нашей школе. Где она делась, я так и не узнал. Полагаю, что она сочувствовала бедноте, к детям бедняков относилась с сочувствием. Вероятно, её в этом заметили, т.к. попечителем школы был местный поп Аркадий Васильев – агент жандармерии.

Учить стала учительница, жена Михаила Ивановича Смирнова, Зинаида Дмитриевна. По происхождению дочь попа, нервная и крикливая. У неё было двое своих детей. Но на меня она никогда не кричала, я во всём был аккуратным.

В третьем классе меня обучал сам Михаил Иванович. Строгий, стройный высокого роста мужчина, лет 30-ти. Некоторых учеников избивал, но учил очень хорошо. Я его уважал, как хорошего учителя, во всём слушал, и исполнял. Единственный раз получил от него наказание. А было так. Последний урок у нас был чистописание. Мы заходили в класс. А я в это время выразился, что у нас сейчас будет чистомулевание. Он услышал и произнёс: «Белокопытов, за это ты останешься без обеда». Но когда отпустил учеников, то спросил меня: «Как это у тебя так получилось?» Я ему ответил, что и сам не знаю, не подумал, что это нехорошо. Он меня простил и отпустил домой.

Ещё одно наказание получил от священника. Он преподавал нам «Закон божий». Случилось так. Я сидел на одной парте с сыном школьного сторожа Рядинским. На уроке он дёрнул меня за рубашку и я повернулся к нему. А в это время поп заметил меня, вызвал к доске, продержал до конца урок (минут 15), но они тянулись мне 15 лет. Мне очень стыдно было от товарищей и священника. После своего урока поп спросил меня: «Ты зачем поворачивался к Рядинскому?» Я ему объяснил. Он мне поверил и обругал Рядинского «мерзавцем». Хотел меня оставить без обеда, но простил. Больше неприятностей у меня не было за всё время моей учёбы, вплоть до конца пединститута.

Но в живой памяти остались издевательства над отдельными учениками, которых я много видел. При мне ставили на колени, оставляли без обеда, избивал учитель, а особенно священник.

Священник сбивал с ног некоторых учеников, разбивал нос, одному оторвал ушную раковину. Дисциплина была железная, но только на уроках. А во время перемен устраивались «кулачки», разбивали носы, лица друг – другу. Устраивались драки, даже групповые. И всё же, при желании, можно было кое-чему научиться в школе. Правда, за бортом школы много оставалось неграмотных, особенно девочек.

Взять наше село Яблоново. Жителей было более 1000 домов. Около 1000 должно было обучаться детей, но их обучалось в школе 120 – 115 учеников, и из этих многие бросали

учиться по разным причинам. Никто не отвечал за тех, кто не учился. Родители стремились мальчиков научить писать, читать, т.к. придётся им отбывать в армии, чтобы они могли написать и прочитать письмо. Это и главное было в учении. А из девочек некоторые учились из состоятельных родителей. Бывших дворянских происхождений, дочери торговцев, интеллигенции и отдельных кулацких семей. Вот почему старый строй оставил нам наследие – неграмотных и полуграмотных.

Чем же закончилось моё первое учение? Учёбу я закончил круглыми пятёрками. Получил похвальный лист с портретами царей Николая Второго и Александра Освободителя (от крепостного права) с картинкой – чтение манифеста об освобождении от крепостной зависимости. Свидетельство на евангелие и часослов.

Большое было желание учиться дальше, но... Тогда решил остаться на повторение 3 класса. Побыл 2 дня. Михаил Иванович сказал мне: «Нет никакой пользы тебе учиться в этом классе. Ты хорошо окончил школу, будешь слушать, учить то, что знаешь.»

Со слезами я переступил последний раз порог школы и унылым возвратился домой. Стала открываться швейная мастерская при школе. Поехал я с отцом, чтобы поступить в «швальню». Меня приняли, но мать не пустила. Она заявила: «Не могу, детки, я вас обуять, одеть так, чтобы пустить на люди. Никифор ходит в школу, и тебя надо лучше обуять»

и одеть.»

Пришлось наняться в батраки в хутор Языков, к Ширяеву. Водил пасти трёх лошадей и выполнять другие работы. Так начались мои «университеты». Жил в батраках в Яблонове, у Тютерева Антона, на Коротком хуторе. Он хотя и не был кулаком, но был деспотом. Он мне не давал и одной минуты отдыха. Шёл мне 15-ый год. Я у него пахал, косил, молотил, трёх лошадей и сосунка (лошонка) пас. Представьте себе, что идёт проливной дождь на дворе, делать ничего нельзя. Он тогда приносит пеньку и заставляет вить верёвки, пута, поводья, вожжи.

Причиной ухода от него, после уборочной, послужило то: однажды с уборки ржи мы с поля вернулись половина двенадцатого, пока вечеряли, поужинали, стало время половина первого ночи. Он меня посылает вести, пасти лошадей. Я не знал где с лошадьми ночуют с нашей улицы. Тогда заехал домой (в 1 ч. ночи), чтобы узнать, куда брат уехал ночевать лошадь. Оказалось, что брат Егор не повёл. Отец удивился, куда же хозяин посылает мальчишку ночью пасти лошадей, если он день косил, снопы носил, то он уснёт, лошади уйдут в хлеба, хозяин поля поймает лошадей – тогда не рассчитаешься за жалование (14 рублей от апреля до ноября). Решил меня взять с собой на сборку яиц.

И после уборочной я с отцом уехал собирать яйца в Старооскольский уезд, сёла: Амросимовка, Дубиновка, Рогозеева, Крестище, Гарявинка. Я почувствовал себя на свободе,

старался и рублей 15 заработал за осень (это было в 13 году).

В 1914 г. отец опять взял меня с собой на сборку яиц, но началась война, терпели убытки, и отец хозяину Чтмутову из с. Поповки задолжал 300 рублей. Чтмутов знал, что отец честный, но уплатить нечем было. Хотя и в суд подать, то у нас была одна глухая кобыла в цене 40—50 руб. и избушка 80—100 руб.

Чтмутов с отцом договорился по-хорошему, постепенно выплачивать. Порекомендовал меня отдать в лавку приказчиком (торговцем – учеником), в г. Корочу, торговке Мачихиной, у которой он занимал деньги и остался должен. Чтобы я отработывал долг по 7 руб. в месяц. Отвёз меня туда отец. Работы все выполнял. Я думал, что здесь работы меньше будет, чем в батраках у кулаков. Оказалось, что я из пекла попал в пламя. Всегда вставали с хозяйкой в 4 часа ночи. Она сама готовила пищу. Я из подвала приносил продукты, колол дрова, ходил по воду и приходилось чистить картофель. После того, как управимся дома, идём в лавку. Она подсчитывает оборот, а я топлю конторку, готовлю чай. А перед открытием лавки раскладываем товары (чернобакалейные). Выкатываем на улицу бочонки с дёгтем, керосином. С рассветом открывали лавку и торговали до темна. А питание было очень плохое. Придём из лавки, они ложатся спать, а мне приносят стопу курительной бумаги, чтобы я по листку вчетверо свернул каждый листик. И этой мне работы хватало до 12 или до 1 часу ночи. Вот я и здесь спал по 4 – 3 часа

в сутки. А какое унижение претерпеваешь! Вот я и прошёл первый курс своей жизни.

Весной 1915 г. я и мой товарищ детства Зайцев Филипп Трофимович, тоже из бедняков, нанялись на хутор Короткий, к Кочергину Семёну «Пузану», собирать яйца с выездом в Таврическую губернию. Цена продажи нашего труда по 50 руб. в лето. Выехали в марте и 13 дней ехали, т.к. первый день выезда пошёл снег, глубоко выпал, на телеге трудно было ехать, но мы шли пешком все 13 дней. За 13 дней я разбил сапоги, которые мне впервые были куплены за 2 р. 50 к. (головки). В эту трудную дорогу претерпели очень многие. Нас хозяин не докармливал, всё время нервничал, что идут расходы, а дохода нет, доходило дело до побоев, оскорблений, унижений. Мы решили, как только приедем, на место, убежим на шахты (угольные).

Приехали, остановились в большом селе Агрофеновке, выдал нам хозяин денег на сборку яиц: мне 75 руб., и товарищу 50 руб. Но сбор яиц шёл плохо, потому что весна была холодная, грязная, куры не неслись. Приехал хозяин забрать от нас яйца, но собрано было совсем мало. Он нас, как ему надо, выругал, хотел избить по приезду во второй раз, и если не достанет яиц – искомому.

После его уезда мы решили бежать. Пешком добрались до станции (30 км). Стал вопрос. Куда ехать? Домой или на шахты? Решили поехать на шахты, в Юзовку (ныне Сталино), т.к. на шахте №7 работал наш товарищ Кузовлев Кузь-

ма коногоном. А адреса точно не знали. Вот мы стали спрашивать первопопавших шахтёров. Не знают ли они Кузовлева коногона? Бесполезно. Спросили в конторе. Тоже бесполезно.

Вернулись на станцию, решаем куда ехать? Решили ехать домой через Харьков. Но вдруг увидели своих Яблоновских мужчин: Атаманского Семёна (Чекмаза), Атаманского Митрофана, «Козла» Егора и ещё двоих. Разговорились и решили ехать на рудник Парамонова (в 75 км. от Ростова), ст. Шахтная. В 1914 – и начале 15 г. там работал мой брат Егор и ещё много наших работало. Эти мужчины от нас взяли деньги, чтобы купить нам билеты до места. Оказалось, что мы проехали один пролёт и слезаем, т.к. за наши деньги они взяли билеты и оставили себе. Вошли в вокзал. Они сказали: «Будем до утра ждать пассажирский поезд и мы поедим, а то с этим нескоро. Я и товарищ залезли под стол и проснулись утром. Осмотрелись, наших попутчиков не оказалось. Мы поняли, что они нас надули. Спрашиваем дежурного за них. Он ответил: «Они наняли подвозу и поехали на другую станцию». Мы сели на пассажирский и приехали на рудник Парамонова. Встретили односельчанина Елисеева, он нас довёл до общежития, где наши односельчане жили (всего нас было 24 человека).

Прошло моё детство,
Видел много бедства.
Мать мне внушала, что это от бога.

Я много об этом думал, что без бога
– ни до порога.
Во всём открывает глаза мне юность.

II. ЮНОСТЬ

Итак, с рудника Парамонова начинается моя юность – второй этап моей жизни.

Частная квартира на посёлке Власовке в 1,5 км от шахты 1-ой №5, в 7-ми км от станции Шахтной.

Кто эти люди 24 рабочих – шахтёра и 25-ая сестра-хозяйка?

Двадцать три человека (в том числе сестра-хозяйка) были из нашего села Яблонова. Разных возрастов и с разными характерами и наклонностями. Одни из них приехали подзаработать и ещё больше расширить своё сельское хозяйство. К таким относились братья Тумановы, сыновья Елисеевы, Правдея и др. А некоторых нужда загнала добыть себе пропитание, а некоторые укрылись от мобилизации на войну.

Нас – меня и моего товарища Зайцева Филю народная волна захлестнула на такой распутице. Но я моложе всех был. Пройдя все формальности для поступления на работу, нас приняли на работу в шахту, на подъёмную.

Сперва мы были дверными, т.е. сидели у дверей, открывали и закрывали при проезде коногонов с вагонетками. Но случилось так, что мы уснули, лампочки у нас поворовали, один коногон за воротами оставил вагонетку. В это время ехал второй коногон, мы обязаны его остановить и предупредить об оставшейся вагонетке, чтобы он её забрал. Оста-

новить можно было только лампочкой (светом), но лампочки у нас украли, тогда мой товарищ Филя пугнул лошадь в дверях, чтобы остановить. Она бросилась в сторону и вожжи было удушили её. За это коногон избил его. После этого мы ушли на подгонку вагонеток к площадке на подачу. Десятник Чурсин (лет 19, Воронежской губернии) меня принимает на подгонку, а Филю нет, т.к. он ростом был мал и тощий, я ростом был больше и гладок был. Мне пришлось уговорить Чурсина.

Жизнь и работа, как кротов, нам лучше нравилась, чем в батраках (самых зверских эксплуататоров – кулаков). Хотя мы работали по 12 часов в сутки, пока соберёшься, дойдёшь туда и обратно – пройдёт 14 часов, но вот 10 часов в твоём распоряжении, а в батраках и одного часу не было в твоём распоряжении. Кроме этого нравилось то, что здесь ты не одинок, а коллектив и дружный.

В июле месяце 1915 г. шахтёры сделали забастовку (никто не пошёл на работу, требовали 5% надбавки), т.к. всё дорожало в связи с войной, а зарплата оставалась старая. Хозяин был вынужден сделать прибавку 5%, но он колоссальные прибыли имел и после этого, т.к. уголь сильно подорожал.

В нашей артели два человека были подозрительными, Миша Глупышкин (высокий brunet, лет 27—28, городская личность, с образованием) и второй: Александр Иванович Рубцов, лет 35—38, с бухгалтерским образованием, лицо вышеголено, голова с лысиной. Они часто отлучались вечерами,

вели себя скромно, пьяные никогда не были, дружили между собой, но наглядно этого не показывали. Конечно я и друг догадывались уже в годы революции, что Глупышкин и Рубцов работали подпольно, но осторожно. Среди нашей деревенщины они боялись вести работу.

Вся обстановка среди рабочих повлияла и на нас, молодёжь, особенно на меня. Теперь я убедился, что бога нет, весь этот религиозный дурман, которым я был насыщен, стал отходить от меня. Сбросил крест и не стал богу молиться, не соблюдал постов, стал разбираться в жизни.

Наши родители беспокоились за нас. Во-первых, боялись, что нас придавит в шахтах, и во-вторых, хозяин наш Кочергин Семён потребовал с родителей деньги, или возбудят судебное дело и нас посадят в тюрьму. Мы отослали домой деньги и они рассчитались с хозяином. Но нам не давали покоя – чтобы мы ехали домой.

Жалея мать, мы осенью приехали домой. А что делать дома?

Филя с отцом обрабатывал овчины, я нанялся на подёнщину к Токареву Поликарпу Ивановичу (учеником) по выделке овчин (платил он мне 60 коп. за день с 5 ч. утра до 12 ночи). Зиму проработал. Летом сделал себе из плетня избушку, и я стал самостоятельно работать над овчинами, научил старшего брата Егора и меньшего Никифора. Хорошо мы подзаработали осенью 1916 г. и начало 1917 г., но 2 февраля меня призвали в старую армию.

Этим считать, что моя юность кончилась.

III. СЛУЖБА В АРМИИ (СТАРОЙ)

Империалистическая война, начавшаяся 1-го августа 1914 года, всё больше разгоралась и затягивалась. Царское правительство всё больше подставляло пушечное мясо (солдат) на войну. В 1916 г. в мае месяце призвали в армию рождения 1896 г., осенью призвали 1897 г. рождения, а 2-го февраля 1917 г. призвали наш год рождения 1898-й, в том числе и меня. На призыв с нашего года из с. Яблонова было 52 человека. Из них забраковали человек 5 по болезни, но я оказался здоров.

Три дня нам дали на подготовку к отправке. Зачислены мы были в 165-ый Сибирский запасной полк, который находился в г. Перми. Очень не хотелось мне идти защищать Родину. А что у меня было в этой Родине? Даже не было клочка земли, а приходилось с детства гнуть спину на богатеев. Кроме этого знал, как в старой армии обращаются с нашим братом.

В последнюю ночь, перед отправкой в армию, все тёмные минуты выступили в жизни, и уже понимал, кому выгодна эта война, и мне так стало плохо, что выступили слёзы. Но ободряя себя, что я же не один, есть и другие такие товарищи, и что сделать – мы не знаем.

Пятого февраля на подводах нас привезли на станцию Прохоровку и повезли в г. Пермь. В Вятке (ныне г. Киров)

мы были вечером. В одной лавке (частного продавца) получился скандал. Ребята, из нашего эшелона, разграбили его лавку, побили фонари на станции, и полиции попало камнями, которые хотели кое-кого арестовать и увести с собой. Эшелон постарались быстрее отправить и о произошедшем сообщить вперёд. Все были предупреждены, чтобы спрятать или уничтожить награбленные вещи. Не доезжая Перми, по вагонам произвели обыск, но ничего не обнаружили, полиция пыталась найти зачинщиков беспорядка, но бесполезно.

Приехали в Пермь 18 февраля часов в 10 утра. Снегу было много и мороз до минус 25-ти. Выпустили новобранцев и долго ждали командира полка, принимать новобранцев. Оказалось, что этот полк состоит из старых возрастов (от 40 лет и старше 43 лет), те их называли «крестиками», что значит находиться в тылу, а не на фронте. А наше пополнение составляло вторые (молодые) роты для подготовки на фронт. Получилось так, из «крестиков» узнал соседа из молодёжи и попросил командира поговорить с земляком. Они отошли от строя и вели разговор. В это время подалась команда «Смирно!» Вышел командир полка, стал принимать новобранцев. А пара земляков как стояли, так и стоят на том месте по команде смирно. Командир полка подошёл к старому солдату, спросил его о чём то и давай давать ему пощёчину. Это удивило всех и нагнало страху. После этого выступил с просторной угрожающей речью. «Вы дорогой отли-

чились. Мы вам покажем, как надо нести царскую службу, а кто не будет подчиняться – того загоним туда, где Макар телят не гонял! А некоторых будем убивать, как собак!»

После приёма нас отправили в бараки. Большое было скопление. Спали на нарах все в ряд, дали матрацы. От большого скопления появилась чесотка. В этом числе и я попал в чесоточный лазарет на недельку.

Нас обмундировали. Сапоги давали старые, кто какие подберёт по ноге. Я взял себе небольшие (по одному тёплому носку лезли), рассчитывая, что наступает март месяц, но ошибся, стояли морозы с утра до – 20 градусов. Ноги скоро я остудил, пошли нарывы на ногах, и я мучился с ними до самой глубокой осени, пока через них отправили меня на излечение в Киев.

Умывались мы во дворе, возле колонки в метрах 150 от барака. Служба у меня шла хорошо, всё давалось легко и строевая, и словесность. Особенно плохо давалась служба (из нашего взвода) односельчанам Навозову Павлу (он был уже женатый) и Анисимову Тихону. Их отдельно обучали, избивали, заставляли в печку кричать: «Я дурак!» Всё это становилось противно.

Дней через 10 старых солдат «крестиков» отправили из кирпичных казарм, а нас перевели в их казармы (они были трёхэтажные). Получился один случай (это было 4—5 марта 1917 г). Слух прошёл среди солдат, что Николая II (царя) сбросили, но открыто об этом ни слова. Однажды я стою

между столами (где мы кушали), а сзади меня толкнул один ефрейтор. Я обернулся и замахнулся его ударить, но он успел отойти. Я его обругал матом, правда, он меня первый обругал матом, когда я хотел его ударить. Тогда он предложил мне идти на 2-ой этаж к старшему унтер офицеру (помощник командира взводного офицера). Я пошёл. Он доложил на меня, что я хотел его ударить и обругал, а за себя всё умолчал. Меня опять взорвало за неправду и я на него крикнул – врѣшь ты, а ещё начальник! Взводный вскипел и стал мне читать проповедь: «Загоню, где Макар овец не пасёт! Услышали что царя нет и начинают делать свои дела! Ефрейтор, поди на его голову надень фуражку или шапку!»

Он надел на меня шапку (первопопавшую), я снова подошёл к нему. Он опять на меня опустил, а я стал отговариваться, что не я виноват, а ефрейтор.

«Молчать! – закричал он – Что ты должен сделать?» Я прикидываюсь, как будто не знаю – а я не знаю.

– Под козырёк должен взять!

Я ответил, что нас ещё не учили.

Тогда он заорал: «Завтра научу, буду сам гонять вас до тех пор, пока не смокнуться погоны!»

И правда, на завтра гонял нас (весь взвод) до мокрых погон. Мои товарищи говорили мне, что это всё из-за тебя.

Да, отдали бы меня под суд, но мы ещё не принимали присяги.

О падении царского трона нам объявили 10 марта, и в этот

день началась манифестация войск. После этого начались выборы командного состава в ротах. Наша рота прогнала своего комроты (был украинцем, службист, избивал солдат, отправлял на гауптвахту). Он просил простить его, т.к. был такой строй, но рота не согласилась. Через несколько дней был арестован и командир полка и посажен на гауптвахту. Когда ему туда принесли солдатский суп – то он сказал: «Что вы мне принесли, его есть только собакам!» А ему в ответ: «Ты нас всё время собачьим супом кормил». Но всех этих смещённых скоро куда-то отправили. Вероятно, перебросили в другие части. Отправили и этого взводного, который хотел меня загнать. При отправке ему сказал, если попадёшься на фронте, первая пуля тебе от меня. А он ответил: «Разве можно за это обижаться, ведь был такой строй!»

После 19 марта и до июньских событий, наступление на фронте под Тарнополем сорвалось, расстрел мирной демонстрации рабочих в Петрограде, разгром редакции «Правды» юнкерами, в войсках была самая широкая демократия. Не схочет кто идти на занятия, идёт в город, на Мотовилихин завод (оружейный был за городом Перми) зарабатывать себе деньги. Я тоже с товарищами три раза ходил работать.

В первомайскую демонстрацию меньшевикам и эсерам удалось спровоцировать молодых, серых солдат, чтобы разгромить рабочую демонстрацию. По всем казармам разнёсся слух, что рабочие требуют – долой временное правительство,

да здравствует царь! Солдаты набросились на демонстрантов. Избили их, изломали, изорвали знамёна, лозунги. Так и закончилось кровавым разгромом. После этого среди солдат появились проповедники идей марксизма, а то мы ещё ничего не знали.

После провала наступления на фронте, началась вербовка добровольцев на фронт. Но большевистские идеи проникли в казармы, узнали мы почему провалилось наступление. И только 5 человек из нашей роты уехали добровольцами, более из зажиточных крестьян. Создавались женские добровольческие батальоны. Временное правительство старалось удержать фронт.

В августе месяце наша рота стала маршевая, т.е. готовиться к отправке на фронт. Командиром маршевой роты мы избрали молодого прапорщика по фамилии Охотников. Был очень хороший, уважал меня, как хорошего запевалу песен в строю. Его все уважали, и обо всех он заботился. В августе нас отправили на фронт под Гусятино.

По пути следования, в воинском эшелоне, на Украине нам пришлось отведать свежие фрукты и арбузы.

Км за 150 до фронта нас разгрузили из эшелона и пешком отправили к фронту. В это тяжёлом походе мне особенно пришлось трудно, т.е. знойное августовское солнце и болезнь ран на ногах не давали возможности идти. Кальсоны были все в крови, раны болели день и ночь, не давая с усталости даже уснуть. Чему я раньше не верил, что человек в по-

ходе спит, теперь самому пришлось на ходу засыпать и даже видеть сны.

Км за 25 нас остановили на 2-а дня. Я сходил два дня в околодок (санчасть), два раза помазали мне там раны (жёлтой мазью) и это мне очень помогло. Правда, совсем раны не зажили, но чувствовать себя стал гораздо лучше.

Прибыли на фронт, 49-ый Сибирский стрелковый полк. Первая ночь явилась первым крещением на фронте. Вечером мы сменили фронтовиков, заняли окопы, землянки, и я получил наряд – в сторожевое охранение (км за два впереди передовой линии).

В полночь, в начале сентября 1917 г., немцы открыли артиллерийский огонь по нашим окопам (вероятно узнали, что вступили новички). После артподготовки на правом фронте раздалось «Ура!» Но атака была отбита. К утру нас сняли из сторожевого охранения, и мы узнали, что во время артиллерийского обстрела ранен наш односельчанин Навозов Павло и отправлен в госпиталь. Больше он не вернулся на фронт (ранен в руку осколком снаряда).

Через месяц нас отправили на отдых на 2-е недели, км за 35 в тыл. Здесь меня взяли в пулемётную команду, обучаться на «Максиме». За две недели я хорошо изучил пулемёт и был назначен вторым номером. На отдыхе, в лесу, мне пришлось встретиться со старшим унтер-офицером, который меня в Перми хотел загнать, где «Макар овец не пасёт». Он служил в нашей дивизии в 50 Сибирском полку,

приходил в гости в наш полк к товарищу.

Я ему сказал – в плохом месте мы встретились, на отдыхе, а не на фронте. Я бы там пустил тебе пулю.

Он ответил: «Зачем старое помнить, ведь от меня тоже требовали выполнять воинский долг». Так больше я его не видел.

Нам опять пришлось занять передовые позиции. Немцы на нашем участке хотели прорвать линию фронта, но атака была отбита с большими потерями для них.

Между нашими солдатами и немцами началось братание (друг с другом сходились, разговаривали о прекращении войны).

В армии появились агитаторы от партии большевиков и эсеров (социалистов-революционеров – кулацкая партия). Они устраивали специальные занятия среди солдат. Для этого от каждой роты было выделено по 5 человек (ходить на занятия, изучать программы большевиков и эсеров). В состав ротной пятёрки и я был избран. А после каждого занятия мы разъясняли своим взводам. Армия в абсолютном большинстве встала на сторону большевиков, только некоторые офицеры и сынки кулаков поддерживали программу эсеров.

Но от осенней слякоти у меня опять ноги разболелись. Положили в околодок, полежал 2 дня, меня отправили в госпиталь в Проскуров, но там месте не оказалось. Меня отправили в Киев. В Киеве меня застала Великая Октябрьская социалистическая революция. В Киевском госпитале я по-

знакомился с больным петербургским рабочим Комаровым. В ночь под 29 октября старого стиля до нас дошли артиллерийские выстрелы – это большевики (красные) начали революцию в Киеве. 29-го октября, утром, мы в госпитальных халатах вышли на улицу и увидели, что разъезжаются красные бронемашины по городу.

С фронта были брошены войска на подавление революции, но среди войск оказались агитаторы из большевиков, фронтовики стали срывать погоны со своих офицеров и примкнули к большевикам. Революция победила.

Недолго мне пришлось лежать в Киеве после революции. Киев был Киевским военным округом, и кто из больных не принадлежал к этому военному округу, тех стали направлять по своим военным округам.

И вот в ноябре месяце меня отправили в Курск, на разбивочный пункт, который находился недалеко от городского вокзала. Оттуда направили в военный госпиталь, который расположен близ Московских ворот в г. Курск. Там я лечился около месяца, и оттуда был направлен в г. Белгород, в выздоравливающую команду. В первых числах декабря (2—3) комиссия меня уволила в бессрочный отпуск.

Итак я оказался в своём селе, бедной халупе, но в радостной обстановке после Октября, хотя режим был временного буржуазного правительства. Та же земская управа, тот же старшина, староста, только обновлённая полиция (милиция) – вместо старых урядников и стражников – холоуи

эсеров. Октябрь ещё не дошёл до уезда, волости, земельного общества. Фронтвики с каждым днём прибывали в родные места.

IV. ПЕРИОД В ГРАЖДАНСКУЮ ВОЙНУ

Сторожем в волости был наш сосед – Зайцев Тихон Григорьевич, который принёс слух, что приехал наш односельчанин моряк Тихоокеанского флота Шаров Павел Федотович, который объявил что завтра, т.е. 10 декабря собирает общеволостной сход (собрание) по вопросу установления Советской власти. Часов в 11 утра 10 декабря ударил набат церковного колокола на сбор.

На общеволостное собрание приехали и из остальных 11 сёл. Собрание было большое и шумное. Вопрос стоял о выборе Яблоновского волисполкома. Председателем волисполкома был выбран Шаров Павел Федотович, секретарём оставили старого писаря Антонова Захара Петровича. Комиссар земледелия был избран Морозов Родион Павлович (из с. Короткого). Был избран полностью весь комиссариат и суд.

На второй день Шаров П. Ф. начал создавать красногвардейский отряд. 12 декабря (старого стиля) отряд был создан из 12 человек, а именно: Костин Антон Михайлович, Дроздов Егор Матвеевич (мой дядя), Я, Думенков Никита, Денисов Григорий Павлович, Аникеев Антон, Анистратов Иван, Толстопятов Яков, Кузовлев Тимофей Трофимович, Костин

Тимофей Михайлович, Дроздов Сергей Андреевич, Щёкин Филипп. Оружием себя обеспечили, отобранным у бывших стражников и урядников, и принесённым с фронта. Избрали комиссаром Костина Тимофея, но он не имел военной подготовки, а больше командовал сам Шаров, поэтому отряд и назывался «Шаровым».

Штаб-квартира отряда была у Денисовой (близ здания волисполкома). Наряду с отрядом существовала милиция при временном правительстве, т. е. Яблоновская. Старший из них был эсеровский вожак, из кулаков, Токарев Сергей Иванович (своjak Шарова П. Ф.). Между ними шла ожесточённая борьба. Вокруг Шарова объединилась беднота, а вокруг Токарева – все эсеры и кулачество. Токарев имел большую поддержку от эсеровского руководства, заседавшего в управлении в Корочанском уезде, поэтому он нагло выступал против советской, новой власти в Яблоново. Кроме этого имел связи и с отдельными работникам волисполкома, в частности с красным комиссаром Ерохиным Василием, с секретарём суда Сазоновым Николаем Михайловичем, с секретарём волисполкома Антоновым Захаром Петровичем (двухличность), и писарем Тарасовым Василием Ивановичем, писарем Арефьевым Борисом Алексеевичем.

Был такой случай. В феврале месяце было общеволостное собрание (в школе). Вопрос стоял о переделе земли (на каждую живую душу поровну). На этом собрании эсеры (во главе Токарева) решили убить Шарова. Шарову об этом сообще-

ли. Он быстро сообщил нам (отряду) и дал указание оцепить школу. Двенадцать штыков смотрели в окна школы. И Шаров заявил: «Господа эсеры и кулаки, ничего у вас не получится, ни один не уйдёт живым отсюда!» Они были вынуждены отступить, и собрание избрало комиссию по переделу земли. На второй день Шаров вызвал к себе в кабинет Токарева Сергея Ивановича и ультимативно его предупредил, если он будет мутить народ против советской власти, то дело будет плохо. Но Токарев не сдавался, надеясь на уездную поддержку и свой авторитет в семье.

Власть была на местах. Надо было вести расходы по волости, но откуда изыскать средства? Налогом население не облагалось. Волисполком наложил контрибуцию (индивидуальное денежное обложение кулацких хозяйств). Для сбора контрибуции был послан наш отряд во все сёла волости. Кулачество (некоторое) саботировало и не желало платить. К ним применялись самые жестокие меры. В селе Лозном один кулак не хотел уплатить контрибуцию. Отряд решил его припугнуть, т.е. повесить в своём доме. Палачом изъявил желание Аникеев Антон. Когда накинул верёвку на шею, тогда кулак сознался, где деньги. И то бы он не сознался, если бы не семья. Все кричали – «Отдайте деньги, будь они прокляты!» Так Аникеева стали звать «палачом».

Второй случай был на Коротком. Деньги он уплатил, а «Наган» не хотел сдать. Тогда этого кулака Симушкина вывел во двор матрос Дроздов Василий (тоже второй мой дя-

дя), достал тесак из ножен, замахнулся и рукояткой ударил в живот; и Симушкин в испуге закричал: «На па-лати!!!» Так был отобран «Наган». Очень много можно привести примеров по борьбе при восстановлении советской власти.

Отряд наш увеличивался. В марте месяце насчитывалось до 36 человек.

Из рабочих районов в Корочу перевели стойких большевиков для установления советской власти в уезде, но сильное засилье эсеров и их поддержка мелкобуржуазными элементами г. Корочи и прилегающих сёл: Бехтеевки, Погореловки, Пушкарного, не давали установить. Большевики из Корочи обратились к Шарову, чтобы он выслал свой отряд в Корочу для восстановления советской власти.

С отправкой отряда пришлось задержать, т.к. намечен был общеволостной сход (собрание) по вопросу конкретного передела земли. На этом собрании эсеры и кулаки хотели помешать переделу земли. Они кричали: «Наша земля зяблёная, удобренная, а достанется земля гальтяпы – заброшенная. Не дадим делить!» Но вопрос решила сама беднота. Они начали кулаками избивать крикунов и избрали мерщиков. Мерщики приступили к равному наделению землёй всех хозяйств (на каждую живую душу).

Но в воскресенье, когда намеряли мерщики землю – с базара из Халани ехал кулак Ильинский Саша. Он заявил мерщикам: «Намеряйте, а мы будем вас вешать в Зубовой роще на каждом дубу!» Мерщики бросили намерять, пришли

в волисполком и заявили Шарову П. Ф. В это время подъехал из Нового Оскола и потребовал выдать заядлых контрреволюционеров. Шаров наметил выдать карательному отряду Токарева Сергея Ивановича (вожака эсеров и кулаков, своего свояка), Ильинского Сашу и крупного кулака Зубова Степана Михайловича. Для ареста и доставки карательному отряду Токареву были посланы Я и из с. Хмелёва Придачин Гриша (лет 45 беднячок, находился в нашем отряде). Токарева дома не оказалось, и мы его взяли на общем сходе «Сынбарского земельного общества» и доставили карательному отряду на усадьбу помещицы Алексеевой, где располагался отряд. Другими красногвардейцами был доставлен туда Ильинский Саша, а Зубов Степан сбежал.

Карательный отряд взял Токарева и Ильинского, повели их, якобы в Корочу. Но вывезли за село, у Городка, где переезд через вал на Языков, расстреляли их.

После этого всё пошло хорошо. Эсеры и кулачество притихли, землю делили, бедноте (бездомным) дали дома помещицы и кулака Зубова, а у кого плохие избёнки – завалюхи – выдали строевой лес для домов в Зубовой роще, в Долгом и Широком (леса помещицы Алексеевой).

В том числе и нам выдали леса из урочища «Долгого» для дома, который был построен в 1918 г. И землю мы получили на 7 человек десятин 11.

После этих событий наш отряд в количестве 36 человек был направлен в г. Корочу. В конце марта был проведён

уездный съезд Советов. Выборы были уездного Совета и земельный вопрос. Представители эсеров и кулачества хотели сорвать съезд, но Шаров П. Ф., надеясь на свой отряд, достал наган, положил на стол президиума и заявил: «Если всякая сволочь будет мешать избрать тех, кого хочет беднота и помешать переделить землю, то многие не останутся в живых». Здание съезда охранялось нашим отрядом. Съезд разрешил все вопросы. В уездное управление большинство прошло большевиков. От нашего села были избраны Шаров Илья Федотович (брат Павла) комиссаром просвещения, комиссаром земледелия Кости Тимофей Михайлович, комиссаром продовольствия – Придачин Фёдор.

Но положение Советской власти оставалось трудным. Из Украины двигались немцы и гайдамаки. Они захватили Белгород (в 55 км от Корочи), станцию Прохоровку (в 45 км), Бахрев мост (в 35 км).

Отряду нашему в Короче становилось всё труднее, т.к. контрреволюционеры поднимали голову, стреляли из-за угла. Не приходилось спать ни днём ни ночью. Короча получалась почти в окружении. Однажды вечером была дана команда отряду подготовиться к отступлению, дождать Шапранов отряд со стан. Прохоровки и вместе отступать. Ночью отряд Шапранова прибыл. Наш отряд (мы вчетвером) украли в их отряде пулемёт «Кольта» и несколько лент патронов. Всё было готово к отступлению, ждали команды. Пришла ночь, часов в 10 утра дали команду отступать на ст. Чернян-

ку, через наше село Яблоново. Пулемётчиками теперь оказались Я, Толстопятов Яков, Денисов Григорий и Костин Антон. Линейку и лошадей мы взяли в нарсуде. Ездовым взяли Аникеева Антона (палача).

Выехали два отряда из Корочи, проехали с. с. Бехтеевку и Казанку, догоняет курьер и даёт приказ вернуться в Корочу, т.к. заседает уездный Совет, окружён контрреволюционерами и убит военный комиссар Дорошенко.

Нас возвращают в Корочу для освобождения совета. Я попал в группу Шапранова, нас было человек 20. Из Яблоновских со мной оказались Андрей Линин (Королёв) и Семён Поломехин. Задание было, чтобы мы с северной стороны подошли к Совету, а другим задания были с других сторон.

Наша группа постепенно уменьшалась, и на центральную улицу мы (яблоновские 3-е) оказались одни на центральной улице «Советской». Я оказался впереди своих т.т. метров на 100. В это время из переулка ко мне наперерез вышли человек 12, но я не узнал кто они, предполагал, что из отряда Шапранова. Двое подходят ко мне и обезоруживают, я в недоумении всматриваюсь в группу и по личности определяю старого офицера. Я мгновенно бросился в переулок бежать. Офицер командует: «Взять живьём!» За мной устремились человек 7, а по моим т.т. открыли стрельбу.

Когда за мной была погоня, один буржуй выскочил из своего дома и кричит: «Бейте их краснопузиков!»

Меня двое схватили, как только сняли ремень с патрон-

ташем, я рванулся бежать, и на моё счастье, в одном дворе калитка была открыта.

Я в калитку и в сад по направлению к маслозаводу, где были наши цепи и оттуда доносились выстрелы. Маневрируя среди деревьев, по мне все семеро открыли огонь с колена, свистят пули вокруг меня. Пробежав сад, мне путь преградил высокий дощатый забор и к тому же размотались обмотки на ногах. Запыхавшись, я не мог перебраться через забор. Решил что будет, сел обматывать обмотку и передохнуть, стрельба по мне прекратилась. Передохнув, перелез через забор и вышел к речке (Короча). У моста через речку я встретил своих из отряда, они расспросили меня. Наши пулемёты обстреливали главную улицу «Советскую».

Совет был освобождён, труп Дорошенко похоронили на площади. Возвращались группы за село Казанка. Возвращался и я без винтовки и патронташа и ремня. По пути я встретил женщину, нёсшую два ведра воду (с. Бехтеевка). Попросив напиться, с жадностью выпил много холодной воды и сразу почувствовал в грудях отяжеление. Вот с тех пор у меня оказался хронический бронхит. Когда и я подошёл к своим обозам, то все удивились, что из мёртвых воскрес. Ланин и Семён пришли раньше и сообщили, что меня убили.

У одного верхового я опознал свою винтовку. Он спросил № винтовки, расспросил у меня, как она пропала. Он сообщил мне, что взял у убитого белогвардейца и возвратил мне.

Оба отряда направились на наше село Яблоново. Нас

встретил председатель волисполкома Шаров Павел Федотович и др. волост. работники. Шаров увидел меня и удивился: «А Костин Тимофей М. приехал от вас на велосипеде и объявил, что ты убитый». Он приказал всем разойтись по домам на два часа, а после всем явиться к волисполкому. Он хотел убедить Шапранова не отступать дальше Яблонова, но он не послушал и стал с отрядом отступать на ст. Чернянку (35 км от Яблонова). Тогда он сел верхом на коня, догнал отряд Шапранова и отнял у них 5 лент для пулемёта. Через два часа мы собрались к волисполкому. Шаров объявил, что наш отряд остаётся в Яблонове, будет готовиться для наступления на контрреволюционную Корочу.

Из 5 человек была создана конная разведка, Шаров поехал в г. Ново-Оскол и привёз оттуда 50 винтовок и патронов. Стали ещё набирать в отряд, теперь он достиг 72 человек, кроме того, были вооружены волостные работники. Теперь наш отряд располагался в здании волисполкома, конная разведка была в разведке, наш пулемёт днём и ночью дежурил на валу, патрули патрулировали по улицам. Население села (особенно из бедного сословия) удивлялось нашему героизму и сожалело, что не спят день и ночь, охраняя село.

Данные были, что контрреволюционная часть г. Корочи от немцев и гайдамак получила оружие и насчитывала 300 вооружённых.

Наш отряд стал готовиться к наступлению на Корочу. Намечено было наступать 24 марта по ст. стилю, т.е. под Верб-

ное. Но часа в два в наш отряд на велосипедах приехали представители от отряда Кабанова из Чернянки. Договорились наступать совместно, ждать их прибытия.

Вечером их отряд прибыл (300 человек). Сбор всех был назначен по сигналу церковного колокола. В 12 ночи ударил колокол. Все собрались и стали наступать. Командование нашим отрядом принял сам Шаров П. Ф. Нашему пулемёту было задание – выйти на шлях Короча – Клиновец, ждать команду у села Бехтеевки, и не пропустить на этот шлях ни одного белогвардейца. Другим было дано задание: отрезать дороги на север, юг и запад (от Белгорода). Но северная группа наткнулась на секрет белогвардейский и получилась тревога. Главная группа с западной стороны не успела отрезать дорогу Короча – Белгород, которая связывала контрреволюцию с немцами – гайдамаками.

Мы получили приказ, быстрее занять центр города и двигаться по Соборной улице к тюрьме, чтобы быстрее освободить заключённых. Когда мы двигались по Соборной (на рассвете), то из одного дома раздался выстрел, правда, он никого не задел, но в это время Кузовлев Тимофей Трофимович бросил в окно этого дома гранату и части винтовки были выброшены из окна. Пока добрались до тюрьмы, то почти становилось видно. Заключённых освободили, они бросаются нас обнимать и целовать, сами босые в нательном белье. Оставалось 5 минут и их бы повезли расстреливать под Белую гору. Даже охрана тюрьмы не могла вся успеть убежать.

На тюремной площади были поставлены два пулемёта из отряда Кабанова и наш пулемёт «Кольта». Из садов Погореловки нашу площадь белогвардейцы стали обстреливать. Нам приказали обстрелять погореловские сады. Почти одновременно 1-ые номера всех трёх пулемётов были выведены из строя. Одного пуля, попала в плечо, одного в живот (из отряда Кабанова), а на нашем пулемёте Толстопятова Якова попал отсколочек от ствола пулемёта в бровь. Я рядом с ним был, заменил его, но подали команду – стащить пулемёты в укрытое место, в окоп. Из окопов мы обстреляли сады, прекратилась стрельба, кроме этого была послана пехота в окружение садов.

Раненный пулемётчик в живот, через два часа в городской больнице умер.

Поднималось весеннее ласковое солнце. Мы стояли на месте. Город нашими отрядами был занят весь. Утром к нам пришли жители города и прилегающих деревень, стали нас угощать добротными яствами, как спасителей. Одна женщина лет 45 с украинским оттенком лица, в слезах благодарила нас за спасённого сына от расстрела в тюрьме, которого мы освободили. Свободные от дежурства красновардейцы рассыпались по городу. Некоторым из них недоставало оружия, обмундирования. С нашего пулемёта ушли Толстопятов Яков, Денисов Григорий и Аникеев Антон (ездовой наш), а мы с Костиным Антоном дежурили у пулемёта. Только часов в 5 вечера они сменили нас и мы пошли по горо-

ду. Заходили в опустевшие буржуйские дома, надо отметить, что некоторые сбежали к немцам – гайдамакам в нательном белье т.к. не успели захватить, что им необходимо.

Перед наступлением на город было объявлено: за грабёж и наживу будут расстреливаться. Шапранов в Чернянке сам лично расстрелял 5 человек за награбленное имущество. Поэтому брать чужое добро не брали, да оно и не нужно, если кто пошёл в отряд с душой за советскую власть, то он знал, придётся погибнуть или после победы жить хорошо.

Часов в 8 вечера нам дали команду, чтобы пулемёт установили на перекрёстке улицы Соборной, около дома помещицы Шапоткиной.

Но как только стемнело, выше нас загорелся дом, команду дали не бежать туда, не тушить, а были посланы наряды в окружающие сады, чтобы обезвредить провокацию. В садах наши схватили несколько молодчиков и имели перестрелки, из них один был захвачен поручик. Они были сданы в ревком. Только после этого была послана пожарная команда для тушения огня. В ночное время началась прочистка садов, а мы всю ночь дежурили у пулемёта.

Рано утром мои товарищи ушли в дом Шапотихи. Оттуда Денисов Григорий пришёл пьяный и принёс бутылку красного вина. Отбил горлышко и заставляет меня выпить. Я попробовал немного, но мне показалось плохое вино, не стал. Он бросил бутылку с вином в сад и сказал мне: «Иди туда, там тебе выберет Шаров Илюшка». Я вошёл в зал к Шапо-

тихе, на столе стоят до сотни бутылок разного вина. Шаров дал мне самого лучшего шампанского вина. Я выпил стакан и закусил холодными закусками.

Илья меня предупредил: «Собирайтесь часа через два на обед. Я прислугам Шапотихи приказал варить обед мясной». Я вернулся на дежурство к пулемёту. Денисов ушёл в город. К обеду ребята стали собираться, пообедали и подменили меня. После обеда я увидел, что из имения Шапотихи местные жители тащут всё что попадётся. Мы с Шаровым зашли в подвал. Чего там только нет? Сколько серебряных приборов? Возможно были и золотые, т.к. там уже несколько человек побывали. Я для себя взял серебряную столовую ложку, чайную и вилочку, вот и всё что я взял за всё время. А к вечеру была уже отрядная столовая и кладовая на улице «Дорошенко», на постоялом дворе. Каптенармусом был назначен «Ганка» Фёдор Андреевич Гамов. Там мы и питались по расписаниям.

Конечно, не все так поступали в городе, как я. На второй день после занятия города из Яблонова приехали подводы. Толстопятов Яков, Денисов Григорий и Анистратов Иван (жили на одной улице) нагрузили полную подводу всяким барахлом, вплоть до верха. А особенно поджились из прилегающих сёл жители, кто не боялся и был жаден до чужого добра.

За три дня были восстановлены все органы городской и уездной власти. Наиболее преданных и проверенных оста-

вили для порядка в уезде. В том числе оставили меня.

Нам пришлось набить тюрьму контрреволюционерами, а в страстную пятницу отъявленные контрреволюционеры были изрублены и расстреляны, в том числе попался и сын Шапотихи. На пасху нас отпустили домой, выдав по 10 кг белой муки и по литру водки.

Вечером к нам зашли два брата (мои дяди Егор и Василий), они тоже были в отряде. И кто-то нарочно сказал, что я муку забрал дяди Василия, но мне и самому 10 кг привезли. Когда он подошёл и начал мне угрожать, я ему разъяснять, а он и слушать не хочет. Дело доходит до оружия. Дядя Егор уступился за меня: «Что ты не знаешь, что Данько себе этого не позволит. Я тебя, к чёртовой матери, застрелю!» Они поскандалили. Дядя Егор вышел во двор, за ним вышел и Василий. Я вышел, чтобы предотвратить случайность, но Егор пошёл в огород, а Василий на улицу. Я посмотрел за ним, оказывается он зашёл к соседке Алёне Максимовне и ищет её зятя Шопина Федота Романовича (быв. милиционера при Временном правительстве) чтобы убить его. Я его стал звать до нас, но он отказывается. Тогда я его безоружил, отобрал наган и саблю. Он там и уснул. Наутро опохмелились и похорошему разошлись. На второй день опять явились в Корочу.

Из Корочи меня вскоре отозвали и послали работать зам. председателя сельисполкома (Ленинского). Но недолго мне пришлось быть. Формировалась Красная армия. Меня хо-

тели отправить председателем сельисполкома в с. Терновое Корочанского уезда, т.к. там ещё были элементы контрреволюции, но я отказался с вескими доводами. Товарищи идут в армию, а меня в тыл, какое мнение у них будет обо мне.

И я ушёл в Красную армию. Сперва попал в отдельный Дмитриевский стрелковый батальон, а оттуда был направлен под Царицын. От Курска до Царицына ехали 13 дней. Почему так ехали долго, если принять во внимание на фронт? Железнодорожный транспорт был разбит, угля не было, а топили паровозы сырыми дровами. Эшелон проедет 50 – 60 км и станет, набирает пары. Было холодно, топить вагоны (теплушки) почти не топили, т.к. было нечем. Только тогда протопим, когда удастся сломать щиты от задержания снега, или отдельные несознательные на станциях из вагонов других поездов вынимали окна, стёкла разбивали, а рамами топили, хотя согреть чаю. От таких условий многие стали заболеть тифом. Эшелон стал уменьшаться солдатами. Не удержался и я. Под Царицыным я заболел тифом ночью и меня сняли с вагона. Оттуда я попал в госпиталь, в г. Саратов. Оказалось, что тиф оказался брюшной.

Температура моего тела доходила свыше 40 градусов. Прележал я 10 дней, температура спала, сам я стал ходить на своих ногах. Однажды я пошёл в уборную, которая находилась во дворе. Меня там просквозило и я опять слёг в постель. А до этого меня назначили на комиссию, и я писал письмо домой, что был болен тифом, назначен на комис-

сию, возможно, придётся повидаться. Второй тиф возвратный свалил меня. Я и от этого провалялся 10 – 12 дней. Вторично был назначен на комиссию, но случилось так; с фронта привезли тифозных в наш госпиталь. Один ту же ночь умер. От нас отобрали одеяла на стирку, но во время ночи стало холодно. Я из общей кучи взял одеяло и оделся. Включив свет, и глянув на бельё, то масса была вшей. Позвал няню и показал ей, она принесла чистое бельё для смены. Через два дня меня свалил сыпной тиф.

Из этого госпиталя меня эвакуировали в сыпной госпиталь. На дворе стоял апрель месяц, снег таял, но нас везли санями. Приехав туда, снесли меня на носилках и положили в коридор. Не помню, что со мной делали.

Пришёл в сознание, когда мне делали уколы. Я сказал фельдшеру – зачем вы меня колите? Он ответил: «Если бы тебя не кололи – то давно бы на кладбище были». Он рассказал мне, что двенадцатый день мне делали уколы, и я был без сознания.

Я был очень слаб, сам не мог ни повернуться, ни встать. Диету мне давали молочную. Однажды подходит ко мне сестра и заявила: «К вам пришла жена!» Я ей ответил, что нет у меня никакой жены. – А может быть сестра? – И сестры у меня нет, есть одна, но та не приедет. Тогда она пришла справиться у пришедшей. Оказалось, что пришла жена к мужу, рядом со мной, лежащим больным. Пришёл священник и причастил этого больного. Посмотрел на меня, и сказал,

обращаясь ко мне: «Давайте и вас причастю, а то вы скоро умрёте». Я ему ответил – Иди, чёрт патлатый, я буду жить и умирать не хочу! Через час, мой сосед на койке, которого причастил поп, умер. Оказался он Саратовский из гражданского населения.

Я постепенно выздоравливал, но пища молочная так мне надоела, что я не мог её больше кушать. Стал просить няню, чтобы она дала мне борща, но она отвечала, что просите разрешение у врача. Во время обхода больных врачом, я стал просить его, но он категорически отказал. Я даже прослезился.

После перевели меня на общий стол. В первый раз я пошёл до ветру в уборную самостоятельно. Еле двигая ногами, я прохожу мимо зеркала «тримо», увидел себя, но это был не я, а мой скелет. Я не мог этому верить, никто бы меня не угадал из близких, родных в это время. Но аппетит быстро стал развиваться. Той порции мне не хватало. Но няни нас кормили дополнительно, т.е. тех, которые стали выздоравливать, за счёт тех, которые были тяжело больными и не кушали, как я 12 дней, мой паёк тогда тоже отдавали выздоравливающим.

Нельзя было самому себе верить, что в сутки приходилось съедать по 3—4 кг белого хлеба, а после всего этого входило в норму. Долго мне приходилось выздоравливать в этом госпитале. Я стал помогать тяжело больным. Носил им передачу, которую приносили родные, но они почти не куша-

ли, а отдавали мне. Я каким-то любимчиком стал на палате. Кому напишу письмо по их просьбе, кому прочитаю письмо и даже интересное из книг. Завёл дружбы с товарищами, которые находились в выздоравливающей команде. Я для них собирал хлеб, а они мне приносили (тайком) селёдку и другие продукты (капусту, огурцы), а тут мы с друзьями поедали.

Выписали мен, вернее, отправили в выздоравливающую команду в город Саратов. Здесь мне тоже долго пришлось довыздоровливать, но силы мои не могли уже восстановиться и в тело я не вошёл так, каким был раньше. Чувствовал себя, что полжизни у меня отняло. Наконец, комиссия меня отпустила на два месяца домой на поправку, но я ещё был слаб и не думал добраться до дому.

Поезда были забиты пассажирами до отказа, и на буферах и на крыше, но я не мог ехать ни на буферах, ни на крыше, а в вагон не влезешь. Три дня я не мог залезть в вагон. Ходил к военному коменданту станции, чтобы он помог мне, но – отказал. Пришлось уцепиться обеими руками и ехать км 300 так, а потом зайти в тамбур. Так с великим трудом добрался до ст. Чернянка. От Чернянки до дома никакого транспорта не оказалось. Пришлось пешком отмерить 35 км.

Подойдя к своему огороду, я не мог дальше двигаться и 10 шагов. Пришлось лечь и думаешь, что подошёл к дому, и, может быть, больше не поднимешься. С час пришлось пролежать, оставалось до дому метров 250. Вечерело, надо

двигаться, через полчаса я оказался в доме, со слезами меня мать удержала, а то бы я упал. В голове зашумело, в глазах пожелтело и всё пошло кругом. Сняв с меня вещевой мешок, раздела и уложила на кровать. Через часок я поднялся, появились родственники и друзья. Но долго меня не утомляли. Все они думали, что меня давно нет на свете. Ведь я им писал ещё в марте месяце, что болел, будет комиссия, возможно увидимся, и был уже июль месяц, и от того времени ни слуху, ни духу. Слабость давала чувствовать. На село я не выходил, а больше гулял по своей улице. Старался больше быть на воздухе. У нас был свой небольшой садик и недалеко был лесок. Вот больше там и проводил время. Время было тревожное, деникинские войска приближались к нашей местности, а здоровье моё ещё было слабое.

В начале августа 1919 г. наши красные войска стали отступать. Я и мои товарищи Зайцев Трофим и Зайцев Евдоким ушли отступать с красными, но мне было тяжело. Просился я в санчасть, но меня туда не приняли, а отвечали, что ты такой можешь делать у нас, и в строевые части не принимали. Отступили мы до Русской Халани (км 25), но после опять освободили наше Яблоново, и мы все трое вернулись. А через три дня внезапно Яблоново было занято белыми. Это ещё больше подорвало моё здоровье. Начались сердечные боли. При белых меня спасло то, что слух прошёл, что я отступил, т.е. ушёл с красными. Правда, хозяйство наше подверглось некоторому разграблению белыми. В ноябре

месяце село было освобождено от белых. Сразу военная комиссия стала призывать в армию, но комиссия меня признала не годным к военной службе со снятием с учёта. Это меня очень огорчило, что жить мне приходится немного. Признали порок сердца, хронический бронхит и слабые лёгкие. В феврале 1920 г. повторная комиссия. Опять меня признали негодным к военной службе.

Что делать мне? Дома мне делать было нечего, надо где-то работать. Приглашали меня письмоводителем в военкомат в Яблонове, но мать так запротестовала, что я не мог поступить, и решил уехать в Донбасс на шахты.

Доехал до ст. Купянск – узловой, от меня потребовали пропуск, т.к. много было безработных. Меня дальше не пустили и я был вынужден вернуться. Но вскоре (весной) опять комиссия. Теперь меня признали годным и призвали в армию. После этого я духовно окреп, т.к. я ещё могу жить и давать обществу пользу.

Попал в запасной полк, который стоял в г. Карачеве Орловской области. В этот полк много было призвано дезертиров. В полку отобрали тех, которые не были дезертирами, и из них сделали караульную роту. В эту роту попал я и ещё 13 товарищей из с. Яблоново и Песчаного (от Яблонова 7 км). Меня взвод избрал раздатчиком продуктов на взвод, зная меня, как честного товарища. Правда, я ни одной крошки не отнимал ни у одного товарища, и делил всем поровну, что приходится каждому (хлеб, сахар, масло, консервы

и др.).

И я был освобождён от несения караула. А остальные несли караул в цепи вокруг военного гарнизона, чтобы никого без пропуска не пускать из гарнизона, т.к. много было бывших дезертиров и стремились опять убежать. Моим 13 тов. из караульной роты надоело нести караул и они стали просить меня, чтобы я написал заявление отправиться в маршевую роту, т.е. которую в скором времени отправят на фронт. Я написал заявление от 14 человек, включая туда и себя.

Пришёл командир роты к нам во взвод и спросил: «Кто писал заявление?» Я сказал, что это написал я. Тогда он сказал: «Этих 13 человек переведу в маршевую роту, а ты пойдёшь со мной в канцелярию!» Меня пробил холодный пот. Я почувствовал, что я организатор саботажа и предадут меня к полевому суду. Вошли в канцелярию, он мне предложил остаться писарем при канцелярии. Стал меня уговаривать, что скоро полк переедет на Кавказ и там жизнь будет хорошая. Кроме его, стал меня уговаривать и тов., который там работал писарем из с. Мальцевки (12 км от нашего Яблоново). Будем, мол, вместе служить. Но я категорически отказался. Поймите вы сами, товарищей пошлю на фронт, а сам останусь в тылу, какой же я человек и товарищ после этого?

Ротный был вынужден отступить и выдал приказ на всех 14 человек. Теперь мы оказались в маршевой роте, среди бывших дезертиров, правда, там были и из нашего села.

Вскоре нас отправили к Ленинграду (в Красное село –

25 км от Ленинграда). Там сформировалась 12 дивизия Петросовета войск ВЧК Украины. Оттуда нас бросили на Врангелевский фронт, который подходил к стан. Синельниковой. Я попал в пулемётную команду и со мной (из Яблоновских) Никулин Тихон, Белокопытов Василий, Киреев (Зубрилов) Матвей и с Песчаного «Макунин» Денис. И все на один пулемёт. Начальником пулемёта был Белокопытов Василий, а я наводчиком.

При отправке на фронт Никулин Тихон и «Макунин» Денис попросили начальника пулемётной команды тов. Зайцева разрешить им уехать пассажирским поездом, чтобы захватить домой, а после вернуться в часть. Но Зайцев им отказывает. Он говорит: «На вас я не надеюсь. А Белокопытова отпущу, пусть он заедет и привезёт вам передачу, узнает, как ваши живут». Но я отказался ехать. Я человек холостой, расстраивать мать не хочу, а они женатые, есть у них дети, им охота навестить свою семью. Правда, Дениса я хорошо не знаю, вернётся он или нет, а за Никулина я ручаюсь, и буду отвечать своей головой. Ну и Денис, если он понимает человечество, то он не подведёт Вас. После этого он согласился и добавил: «Вот я полагаюсь на тебя!» Выдав им отпуск и они уехали.

Приехали мы на фронт, стали громить Врангелевские войска, и он не успевал отступать, но в нашем тылу появились банды националистов: Махно, Заболотный, Марусин отряд и др. Нашу дивизию бросили на ликвидацию банд.

Борьба с бандами ещё труднее была, чем на фронте. Каждую минуту были в опасности. Местное население было запугано бандитами, многие их поддерживали, они были почти неуловимы. В таких трудностях пришлось бороться. А что же случилось с отпускниками Никулиным и Денисом? Их всё не было. Прошёл месяц, идёт второй. Однажды начальник пулемётной команды т. Зайцев говорит мне (по секрету). Ну что будем делать с пропавшими? Они ещё значатся в команде. Надо, наверное, сообщить о них? Я его успокаиваю, что надо пока воздержаться, они приедут.

Вот, однажды, утром, мы выезжали из одного села, едем на ликвидацию банды в лесу, и вдруг, навстречу к нам – Никулин и Денис (на 45 сутки). Они, правда, мало были дома, а после им пришлось нас догонять в разных местах, т.к. мы кочевали с одного места в другое. И они были не одни. Их собрали человек 17, с ними был командир разведывательной команды т. Харламов.

После этого Зайцев ещё больше доверял мне во всём, даже советовался со мной по важным вопросам. Он был членом партии, а я беспартийным. Его влияние действовало на меня. Он дал мне рекомендацию, политрук Пекарский и комиссар полка для вступления в партию. В октябре 1920 г. меня приняли в партию не кандидатом, а сразу в члены партии, но партбилета не было, я был чл. партии без партийного билета. Партнагрузку мне дали – члена ОКИ, которую добросовестно я выполнял и вёл агитационную работу во взводе.

Несколько эпизодов из борьбы с бандитами.

В трёх км от местечка Бермездь, при Сахарном заводе мы (пулемётчики) стали разыскивать квартиры. Зайцев поручил мне подыскать квартиры для взвода. Я подбирал квартиры у бедняков. Для себя (4-х яблоневских) тоже подобрал бедную квартиру. Жила старушка (лет 50) и её дочка Аерия (лет 16). Старушке мы предложили сварить нам ужин, но отказалась, что нет дров, а дрова лежали во дворе (больше воза). Тогда я вышел отбил две доски от ворот, расколол их и принёс. Она сварила нам ужин, мы поужинали и им осталось. После этого она уже больше не сопротивлялась. Хватало нам и их досыта кормили.

К нам стали заходить старики-соседи. Стали мы с ними вести беседы. В этих беседах мы узнали, что украинские националисты много поработали с ними, чтобы обострить население против красных войск. Они им внушали, что придёт «коммуна» (так понимали красные войска) будут забирать всё и увозить в Россию, а кто будет сопротивляться – того убивают.

Мы им разъяснили, что такое советская власть и наши задачи. Наша квартира стала «агитпунктом». И местное население (беднота, середняки) стали относиться к нам по-другому. Они увидели своих друзей и помогали нам во всём. Наша хозяйка, у которой я первый день отбил две доски от ворот, теперь очень была довольна, особенно мною, т.к. мы их кормили, как на убой, достал 2 доски и прибил к воротам.

Продуктов нам хватало, т.к. местное население нам дарило и получали паёк.

Но борьба с бандитами была очень трудной потому, что мы расположены были внутри их. Пулемёты всё время были заряжены и мы от них не отходили. Ночью спали около пулемётов, выставляя посты во дворе. Нас перевели в казармы при заводе (Сахарном). В ноябре м-це 1920 г., открылась стрельба. Получили сообщение, что на штаб, стоявший в местечке Бершадь, напала банда Заболотного. Приказали нам открыть огонь из пулемёта в сторону банды, а затем двигаться к местечку Бершадь. Но оказалось, что получилась паника. Нашему взводному Чугаеву Геннадию Тимофеевичу (родом из г. Саратова) командир полка Павлов (101 стр. полка) дал 5 суток ареста за открытие огня, и я остался за него.

Несколько раз (во время ночи) делали облавы лесов. Окружаем леса и «кольцом» сжимаем. Были большие потери, но, захваченные банды тоже уничтожались.

Получив сведения, что бандиты остановились в селе Полком, ночью, было окружено село. Нам с пулемётами приказали въехать в село. После рассвета, пехота стала вылавливать бандитов, дезертиров. В штабе начались допросы. По очереди мы (пулемётчики) тоже ходили в помещение, где шли допросы. Допрашивали командир полка и комиссар. Некоторые бандиты не хотели открыть правду, но шомпола и плётки помогали им «припомнить», и они были вынуждены сознаваться. За этот день мы взяли из села 150 человек. Под

большим конвоем отправляли в штаб полка. Масса двигалась народа, слёзы, вопли. Командир полка обратился к народу: «Идите по домам и закажите своим внукам, что поступим и с ними так, если будут выступать против Советской власти».

Ночью представили в штаб полка. Мне, как члену РКИ (Рабоче-крестьянской комиссии) приказали прислать в штаб красноармейцев, у которых плохие обувь и одежда. Они получили снятое с бандитов. Обмундирование у них было наше армейское, которое они награбили.

Утром пришли их родственники, принесли передачу. Им ответили, что их отправили в «штаб дивизии», они ночью были расстреляны.

Что эти бандиты творили: захватывали наши обозы, грабили, охрану часть убивали, а некоторым отрезали носы и пускали, других наголо раздевали и пускали, в зимнее время.

Все эти козни привели в ярость наших красноармейцев, даже бывшие дезертиры, находящиеся в Красной Армии, беспощадно уничтожали бандитов, а когда попадали в их окружение, то уничтожали себя, чтобы не попасть в руки банд. При таком положении, наш односельчанин Токарев (Тульский) Фёдор застрелил себя в одной избе, когда бандиты приказали ему выйти из квартиры.

Бандиты вошли в квартиру и сказали: «Вот черти – коммунисты, стреляют себя, но не сдаются». Но какой он ком-

мунист, как 4 месяца назад был дезертиром?

Сколько раз жизнь моя и друг. моих т.т. оставалась на волоске.

Нашему взводу приказали ехать на месяц на охрану штаба дивизии. Только прибыли мы туда, и вступили с бандитами в бой. Перед нашим приездом, банда наскочила на штаб дивизии, командир дивизии выскочил на площадь и давал распоряжения войскам, в это время бандиты убили его. Его жена (молодая, энергичная, была в конной разведке) подъехала к мужу и убедилась, что он умер, тут же застрелила себя. Разогнав банду, мы остались на охране, но каждую секунду угрожала смерть.

Однажды к нам появляется бывший наш отделённый командир Пашков. В нашем полку он был командиром пулемётного взвода при конной разведке. Однажды, конная разведка и пулемётный взвод Пашкова поехали, ночью, на облаву банды, в село. Разогнали бандитов, часть уничтожили, и после этого выпили самогона, начали грабить население. Узнали о их проделке и подали в ревтрибунал.

Начальнику конной разведки Харламову был вынесен приговор, расстрелять, но он потерял сознание и помешался после слова «расстрелять», но дальше говорилось: «Принимая во внимание его заслуги на Польском фронте, расстрел заменить 15-ю годами лишения свободы». Его отправили в больницу. А Пашкову, политруку разведкоманды и др. дали по 8 лет.

Вот этих осуждённых отправили в тыл, в это время из леса выскочила банда, конвой уничтожила, а осуждённых взяли к себе в банду. Месяц они находились с ними. А под Рождество 1920 г. перепились пьяные, Пашков и ещё его товарищ убежали от них. Вот он явился к нам, идёт в штаб дивизии. Его и тов. простили и отправили в другую часть.

Однажды прошёл слух, что нашу часть отправят в тыл. Некоторые стали готовить сухари, чтобы в тылу не пришлось голодать. Два наших санитаров (из пулемётной команды) пошли в другое село, чтобы добыть хлеба и насушить сухарей. А в этот день мы возвращались из охраны штаба дивизии. По пути с нами встретилась наша пулемётная команда из конной разведки, которая ехала на ликвидацию банды в лесу. Нас направили в то село, где они стояли, предупредили, что там остался один пулемёт 6-го взвода и нестроевые.

По приезде в село, мы – я со взводным стали подыскивать квартиры, но в это время послышалась стрельба.

Не разобравшись, в чём дело, мы не знали, что предпринять. Затем нам один сообщил, что наскочила банда. Отступить в противоположную сторону от банды нам нельзя, т.к. протекает река Южный Буг, а моста через неё нет. Нам надо объезжать село и пробиваться к войскам, но оттуда движется банда, и нас могут отрезать. Но это единственный выход. Галопом погнали лошадей на окраину. Мы успели вперёд выехать банды, но они уже спустились в огороды села. Мы открыли по ним огонь из двух пулемётов и одной винтовки, т.к.

у нас больше не было. Некоторые из бандитов стали падать на землю, а остальные стали убегать по балке к лесу, но в это время и от церкви затрещал пулемёт. Итак, налёт был отбит.

Оказалось, что наши два санитары были схвачены бандитами, и они рассказали, что в селе остался один пулемёт и нестрельные. Вот бандиты, рассчитывая на лёгкую победу, напали на наше село, но внезапно их встретили наши два пулемёта, а после третий (санитары не знали про наш пулемёт, т.к. мы приехали после их ухода). Бандиты наших санитаров зарубили под селом, якобы за то, что они их обманули.

После ликвидации основных банд, нашу дивизию разбили на отдельные пограничные батальоны и бросили на охрану границы от Румынии по реке Днестр. Наш 186 отд. погран. батальон занимал от местечка Рыбница до Одессы. Я по прежнему был в РКИ (это в феврале 1921 г.).

При реорганизации пограничных войск наш 5-ый пулемётный взвод тоже реорганизовали. Начальнику пулемётной команды тов. Зайцеву предоставили право набирать себе пулемётный взвод. Он взял мой пулемёт с моими товарищами и второй из 6-го взвода. Теперь он командиром нашего взвода. Взвода прикрепили к ротам и расставили по границе. Пехота несла охрану границы, а мы стояли по квартирам с пулемётами. Жизнь шла нормально, питание у нас было отличное. Природа богатая: река, а по над рекой сады, прилужные места.

Весной мне и командиру взвода дают двухмесячный от-

пуск. Но мой товарищ Белокопытов Василий проси меня отдать ему очередь своего отпуска, а я, чтобы поехал на его очередь. Я решил так, давай бросим жребий. Выпало ему ехать на мой отпуск. Я остался за комвзвода. Один пулемёт при мне находился, а второй в км в 20 от нас. Занятия проводил по очереди. Через месяц после выезда т.т. в отпуск, получил приказ явиться в местечко Рыбницу со всем взводом, для организации пулемётной команды. Сколько радости было, когда нас встречали бывшие одновзводцы из быв. 5-го взвода. Особенно Егорушка из Калуги. Он кричит: «Данилушка приехал. Как мы только рады!». Я ехал на рысачке, которую Зайцев достал на Польском фронте и наказывал мне, чтобы эту кобылу никому не отдавал до его приезда.

Командиром пулемётной команды был назначен наш быв. комвзвод Чугаев Г. Т. Я нёс обязанности комвзвода. Но не было письмоводителя в команде. Чугаев предложил мне стать письмоводителем. Неся три обязанности: комвзвода, письмоводителя и старшины, я посоветовал Чугаеву взять Никулина Тихона Ивановича старшиной колонны. Так и сделали.

Всё шло хорошо. Однажды мы были в театре, вдруг, раздался крик: «Банда!». Получилась паника. Постановка была сорвана. Я и Никулин пришли в команду и сидим в садике, разговариваем. Вот подходит комбат и спрашивает нас: «Где начальник?». Мы ответили, что не знаем, т.к. мы только что пришли из театра. Комбат не мог найти комвзвода. На вто-

рой день его арестовали, а меня назначили команд. пулемётной команды (временно).

Недели через две прислали начальника пулемётной команды нового, а старого отправили в Киев, в штаб дивизии.

Прошло три месяца, когда уехали мои товарищи в отпуск. Комбат говорит мне: «Надо на тебя приказ написать на комвзвода». Я ему отвечал что теории не знаю и не смогу быть комвзвода. Он пообещал меня послать учиться.

Скоро поступила разнарядка – два человека из пулемётной команды направить на учёбу красных командиров.

Старого отправили в Киев, в штаб дивизии. Прошло три месяца, когда уехали мои товарищи в отпуск. Комбат говорит мне: «Надо на тебя приказ написать на комвзвода». Я ему отвечаю, что я теорию не знаю и не смогу быть ком взвода. Он пообещал меня послать учиться.

Скоро поступила разнарядка – два человека из пулемётной команды направить на учёбу красных командиров. Я и Никулин (молча) написали рапорта комбату. Нам выдали командировочные в школу, но требовалась подпись комиссара батальона, который был в отсутствии. Я стал передавать взвод, когда узнали, что мы уезжаем. Как-то явился наш комбат, молодёжь запротестовала нашему отъезду, он пообещал им пересмотреть этот вопрос. Дождавшись комиссара, нам подписал он документ. Я попросил комиссара выдать мне документ о принадлежности к партии. Он велел написать техсекретарю. Но когда тот сверился по документам – ока-

залось, что на моём заявлении (о принятии в партию) наложена резолюция предсоборания: «Принять в члены партии», а в протокол секретарь собрания не записал. Комиссар посоветовал мне, чтобы я обождал дней пять до общего партийного собрания. Ждать было нельзя потому, что комбат бы отменил свой приказ о посылке нас на учёбу.

Возвратясь от комиссара, я приказал своему ездому, быстрее подать подводу, и в 12 часов дня отправились на станцию, хотя поезд отходил в 6 часов вечера.

Итак, мы приехали в г. Одессу, в распоряжение штаба бригады. Из штаба бригады получили командировочное (на двоих), направляемся в г. Москву, в управление главных военных заведения (УГВЗ). Но из Одессы требовалось разрешение коменданта города на право выезда.

Пошёл я к нему за разрешением, но комендант отказал. Я настоял на своём, что не выйду из комендатуры, пока не дадите разрешение. Комендант арестовал меня и посадил за решётку. Часа два просидел, решил написать докладную комиссару бригады о своём аресте. Но в это время часовой открыл дверь и приказал: «Выходить, можете быть свободным». Вышел, попытался было опять пройти к коменданту, но часовой не пустил. На второй день я послал Никулина к коменданту. Он получил разрешение на выезд. У кассы стали в очередь для получения проездных билетов. Кассу открыли и сообщили, что билетов нет. Поезд отправился.

На второй день опять стали в очередь. Но мы удивлялись,

что вчера касса билеты не продавала, а поезд отправился полный пассажирами. Стали присматриваться вокруг вокзала. Я заметил, что в дверь со двора проходят люди с билетами. Идут два человека через двор к кассе. Подошли к кассиру и она им выдала билеты. В след за ними и я подошёл. Кассир сказала: «Стойте там в очереди за билетами!» Я ответил ей, что вчера стоял 3-ий в очереди, и ни одного билета вы не продали. Что же нам последние кальсоны проедать. Тогда кассир и нам выдала билеты. Сели вечером и отправились на Киев. Находясь в Одессе, мы купили себе хромовые ботинки, белые рубашки, суконные брюки и 4 ½ пуда соли. В Киеве мы купили 3 ½ пуда пшеничной муки.

Всё это мы хотели завезти по домам, рассчитывая ехать через Белгород на Москву. Но маршрут нам изменили: Киев – Брянск – Москва. Мы стали просить коменданта, чтобы ехать через Харьков, но он отказал. К поезду нашему прицепили вагон для командировочных в Москву. Забрав всё это с собой, поехали. Утром, рано, под Брянском Никулин соскочил с поезда про себя, когда поезд почти остановился на станции, но затем набрал скорость и прибыл в Брянск. Никулин не приходил в вагон, я вышел его поискать и хотел уже заявить коменданту, но был дан второй звонок, я поторопился в вагон. Подъезжаю к станции Сухиничи вечером. Поезд остановился и в наш вагон заходя два из ГПУ. Спрашивают: «Есть Белокопытов?» Они предложили мне вылезать. Я им ответил, что у меня вещей много.

– А мы и знаем, что без вещей не будете кататься!

Подкатили тележку, погрузили все вещи и замкнули в дежурную комнату.

Посидел я с ними в дежурке, а затем попросил разрешения сходить до ветру. Они приказали мне, оставить документы. Я оставил командировочное удостоверение на двоих. По возвращению они стали меня расспрашивать. Я рассказал им всю правду. Тогда они удивились: «Вот что произошло!»

Оказывается мой Тихон дал телеграмму из Брянска, чтобы меня ссадили с поезда, а то в Москве трудно будет найти. После этого мы – я и их трое попили чаю. У нас была булка белого хлеба и сахар. Они очень были голодны. Утром мы докончили булку. Для ночлега они мне отвели Красный уголок, на мягкий диван.

Утром ходил я на базар, продал соль, но кг 8 оказалось, что они отобрали ночью. Заметно было, что и мука отобрана.

Вечером (второго дня) приезжает Никулин. Он выглядит, как арестант. В нижней рубашке, в штанах, босый, и без головного убора, грязный. Я го давай журить, что отобрана соль и мука. Он хотел с ними заскандалить, но я перебил ему. Всё погрузили и отправились на Москву.

В нашем вагоне ехал командир пулемётной роты из школы ВЦИК. Он нам советовал проситься в школу ВЦИК, к нему в роту.

Приехали в Москву, зашли в столовую покушать. Первым

делом надо было продать муку. Пошли на рынок, продали. Нашли ГВУЗ, прошли политическую и медицинскую комиссии, медкомиссия было затормозила меня по состоянию здоровья, но упростили. Стали определять где учиться. Мы попросились в школу ВЦИК. Они спросили, если партийные, то пошлём туда, если беспартийные, то 15% беспартийных там уже заполнено.

Фактически я был партийный, а юридически – не было документа. Мы решили ехать в г. Орёл, в быв. Кадетский корпус.

Старые деньги ежедневно обесценивались (вводился твёрдый курс рубля – червонца). Мы решили деньги в Москве израсходовать. Но почти нечего было купить. Купили две дюжины туалетного мыла и два зонта по 45 тысяч.

Приехали в Орёл в августе м-це 1921 г. Неделю были в карантине, гуляли по городу, как цивильные. Проходили комиссии. Опять меня комиссия не принимает в строевую школу, а в хозяйственную, но я от товарища не хотел отстаивать. Тогда они отобрали от меня подписку.

Политическую проходили у комиссара школы. После беседы он мне задаёт вопрос: «Вы что партийные, так хорошо политически разбираетесь?» Я ему рассказал, как получилось со мной в партийности.

Зачислили нас в пулемётную роту. Меня назначили отделённым в роте.

Учёба пошла хорошо, но условия были трудные. Хлеба да-

вали 600 г, а приварка почти не было, а также и жиров. Помещения не отапливались, не было топлива. Кроме того мы содержали 200 детей голодных с Поволжья, отчисляя им пятидневный паёк каждый м-ц.

Правда, мы с Тихоном выменяли картофеля на мыло и сахарин, варили картошку и добавляли, особенного голода не имели.

Комиссар обещал нас пустить в отпуск на праздник Октября, т.к. мы старослужащие и хорошо вели себя. Но оказалось, что он своё обещание не мог выполнить потому, что на Октябрьские празднества много уехали домой самовольно (ближние). Нам пришлось за них нести дежурство по городу. Но он сообщил, что пустит на рождественские праздники.

Тихон написал письмо домой, чтобы кто-нибудь приехал к нему. Он купил пшена для них и ещё кое-что. Приехал его отец Иван Афанасьевич, милый старичок, в лаптях. Он всё передал ему. Однажды один товарищ подсмеял его, что его отец в лаптях. Другой вступился за него и сказал: «Да если бы не этот лапотник, то ты бы не учился. И смеяться стыдно над такими».

Дождались и Рождества. Опять то же повторилось, что в Октябрьские. Многие опять уезжали, и нам комиссар опять не выполнил своего обещания. После этого, Тихон только что сменился с караула, его опять назначают в караул. Он категорически отказался, и в это время как раз зашёл комис-

сар.

– В чём дело, старшина?

– Да вот Никулин отказывается идти в наряд.

– Тридцать суток ареста и немедленно отправьте его на гауптвахту!

Тихона посадили. Но я сварю картофеля и несу его подкармливать.

Однажды придя с занятий, я себя почувствовал плохо. Разобрался и лёг в постель. Но после занятий было назначено школьное собрание. Всех посылали на собрание и меня старшина тоже посылал но я ему сказал, что я немного чувствую себя плохо и не пойду. В это время зашёл комроты, стал меня уговаривать идти на собрание, но я ему ответил, что заболел. Тогда он предложил мне идти в околодок, и, если не признают больным, посидит на гупфахту. Дежурный повёл меня в околодок. Температура моего тела оказалась 39 градусов. Предложили немедленно забрать вещи и лечь в околодок. На второй день меня отправили в госпиталь. Полежал 3-и дня в госпитале, температура тела спала и меня хотели выписать. Я пожаловался врачу, что у меня болит голова, т.е. над глазами. Меня отправили в палату «уха-горла-носа». Врач осмотрел и заявил: «Вам надо делать операцию». Сделал мне операцию – удалил 3-и куска палип из части носа.

Выздоровливаю, вдруг заходит в палату Никулин. Здоровается и привет передаёт от родных. Оказалось что после 30-

дневной гупфахт, пришёл к комиссару и стал проситься в отпуск. Его отпустили на 7 дней, но он вернулся на 9 день.

После выздоровления я прошёл комиссию, меня отпустили на два месяца.

Вернулся в роту за документами. Командир роты извинился, что не верил о том, что я больной. Уговаривал меня не ездить домой. Комиссар тоже уговаривал остаться, т.к. мы перешли уже на специальный курс, оставалось 5-ть месяцев до окончания школы. Буду только классные занятия посещать, не буду нести ни караульные, ни тактические занятия.

Но хотелось побыть дома тем более, что положение дома с хлебом было плохо, рассчитывая помочь им.

В апреле 1922 г. пешком со станции Прохоровки добирюсь до дому (45 км). Снег таял, дорога была плохая, холодно, щека забинтована была после операции.

Из Яблонова встречались знакомые, идущие в поисках хлеба и спасаясь от голода. В том числе встретил Брюханова Фому Петровича, который шёл в урожайные районы, чтобы можно прокормиться до урожая.

Добрёл до дому. Мать очень рада была. Но дома долго не пришлось быть. Надо было ехать добывать хлеба. Через 10 дней, после прихода, отправился я с другими тов. и со мной отец, ему надоело сидеть на голодном пайке. Приехали на ст. Коренево. Часть там обменяли и часть обменяли в г. Рыльске. Сменял я серебряные часы за 2 ½ пуда ржи и шинель диагоналевую из английского сукна за 5 пудов.

Хлеб привезли, но этого мало было. Пришлось второй раз съездить со старшим братом Егором в г. Севск, Дмитриев. Наменяли себе и ещё обменяли сестре, привезли и дожили до нового урожая.

Два месяца мне вышло, пошёл на комиссию, но комиссия оставила до особого распоряжения.

V. НАЧАЛАСЬ ГРАЖДАНСКАЯ ЖИЗНЬ

Мне предложили работать секретарём комитета бедноты. Я начал работать, т.к. дома хватало рабочих рук.

Мать теперь настаивает, чтобы женить меня и не отпустить никуда. Я её убеждаю, что я ещё нахожусь на военной службе, могут завтра меня призвать.

В сентябре м-це вызывают в военкомат и увольняют меня в бессрочный отпуск. После этого я договариваюсь с товарищем Кирдеевым Дмитрием Ивановичем, который работал писарем при военкомате, что если будет куда командировка на учёбу, то уедем. Хотелось нам на агрономов. Но такой возможности не оказывается.

Подходит осень, теперь мать не даёт мне покоя о женитьбе. Я ей советую, давайте женим меньшего брата Никифора. У меня для себя пока есть, а на его надо прясть матери (в то время никакой мануфактуры не продавалось, а всё шили из домашнего полотна). Матери действительно трудно было наготовить полотна на три мужчины, на себя и ещё помогать надо было дочери (у которой было 6 человек семьи). Всякая надежда, выехать куда на учёбу или поехать работать на промышленность, отпала. Везде была безработица, поступить учиться трудно. Пришлось, как говорят, прими-

риться и не делать сопротивление матери о женитьбе. Но кого взять? Мои ровесницы повыходили замуж, которые подросли за 5 лет моего отсутствия, не знаю.

Мать с десяток предлагала мне и даже спрашивала некоторых о их согласии выйти замуж, она считала, как раньше родные подбирали невесту и жениха. Я сказал, что я сам буду выбирать себе. Начал присматриваться, изучать. Присмотрелся к Наталие (стала моей женой – спутницей общей жизни). Она моложе меня на 6 лет. Стал изучать. Посылаю мать сватать, но она боится туда идти, т.к. её отчим был небольшим кулачком, а у нас на 3 брата одна лошадь, корова. Они не отдадут за меня.

Мать говорит мне: «У него двор обнесён кругом, злые собаки, такой богач не отдаст за тебя».

Я ей отвечаю, что ты не за двор, ни за богатство идёшь свататься, а за девушку.

Мать со своим кумом Поликарпом Ивановичем пошла сватать, во второй приход договорились. Договорились и о запое (помолвку).

Однажды, вечером отец, мать и я взяли выпивки, закуски и отправились на запой (помолвку).

Придя к невесте, у них в доме оказалась её мать (Степанида Митрофановна), а все остальные были ещё на маслобойке (пробивали подсолнух на масло). Нам немного пришлось подождать их. Вот появились и они. Поздоровались с нами и моя невеста со мной за ручку. Стали готовиться к запою.

Тёща послала сына Михаила, чтобы он пригласил зятя Алексея «Шапора» Елисеева и дочь Меланью на запой.

Михаил вернулся и сообщил, что Меланья лежит при смерти. Тогда тёща запротестовала делать запой и сообщила, что отдавать замуж дочь Натку не будет. Дочь умирает, а я буду справлять свадьбу.

Отцу с матерью пришлось отправиться домой, а я остался на улице со своей невестой. Серьёзно стал с ней договариваться, что будем делать дальше? Она ответила мне что умрёт сестра или останется жива, но я пойду за тебя замуж. После этих слов, я убедился, что действительно она привязана ко мне и я решил не отступать, а будем добиваться своего.

После этого тёща стала уговаривать Наташу, чтобы она не выходила замуж этой осенью (1922 г), но она твёрдо ей ответила, что я пойду за него замуж. На эти слова тёща с удивлением ответила: «Где же ты не пойдёшь. Когда приехала с маслобойки то за ручку с ним поздоровалась, как всё равно ты его знаешь 20 лет назад».

Своячине полегчало, стала выздоравливать, мы дружбу не разрывали, а больше крепили. Тёще пришлось отступить. В один вечер она приказала Наташе и невестке Анне, чтобы пригласили меня в дом. Пришли мы, тёща уже готовила яичницу на ужин нам. Подала, стала угощать. «Ну, что ж придётся играть (справлять) свадьбу. Нехай завтра сваха принесёт штаны и рубахи на смерок. И договоримся насчёт свадьбы». Мы радостные в успехе дела, готовились к свадьбе.

Свадьба была намечена на 10 ноября.

Четвёртого ноября 1922 г. под №31 в Яблоновском с/сов. Наш брак был зарегистрирован.

Восьмого ноября (н/с) я был в г. Короче, ходил купить кое-что по мелочи к свадьбе задержался там и пришлось переночевать у сестры в х. Языкове (был 1-ый день престольного праздника у моей невесты). Этот день и вечер я не мог навестить свою невесту.

На 2-й день престола, вечером, я пошёл к своей невесте, но на улице её не оказалось, она была дома. Я попросил её невестку Анну, чтобы она позвала её. Появляется, вид у неё мрачный, глаза заплаканы. Много мне пришлось усилий, чтобы допытаться, что произошло?

Она объяснила: «Батя (отчим) был в гостях у Жуковых, ему там сказали, что ты коммунист и в бога не веруешь».

Я ей откровенно сознался, что я ещё не коммунист, но с коммунистами заедино с первых дней революции и даже раньше. Признаю их (коммунистов) самыми справедливыми людьми, которые стоят за трудовой народ и добиваются для него счастья. А в бога я перестал верить ещё в 15 году (на шахтах). Его в действительности нет, он нужен только для богатых, чтобы лучше обманывать бедноту и эксплуатировать её. Вот пример твоего божественного отчима. Он лезет к богу, а у бедняка за бесценье снимет любой кусочек земельки и вместе с бедняком пропьёт эти деньги. Или даст в займы хлеба, бедняк возвращает этот заём. А сколько ещё

бедняк работает за это «одолжение?»» Ведь это правда? Да их таких пауков много, и ещё приводил примеры.

А теперь вот что скажу – если ты боишься за такого выходить замуж, то ещё не поздно, пойдём завтра в ЗАГС и распишемся обратно (тогда свободно было и без оплаты).

Долго она думала и ответила: «Нет, в ЗАГС не пойдём». После этого вера в неё ещё больше усилилась. Итак, наш брак завершился, не смотря на всякие рытвины и ухабы, стоящие на пути к нему.

VI. СЕМЕЙНАЯ ЖИЗНЬ

Одна голова – небедна (народная поговорка).

Мы это шаг делали в период перехода от старого к новому, и надо было показать новое прогрессивное в брачной жизни. Взаимное доверие, равноправие супругов, терпеливо преодолевать всякие невзгоды в жизни. Обо всём этом я был осведомлён жизнью, но моя подруга жизни ещё не разбиралась в этом и требовалось от меня много труда и умений привить ей качественные стороны жизни.

Я работал секретарём Ленинского сельского комитета взаимопомощи, а после уполномоченным кружного земельного об-ва, по сути дела нёс всю ответственность за составление всех дел по обществу, кроме того, был членом с/совета. Работы было много. Приходилось поздно ночью приходить. Через это возникали споры с молодой женой. Надо было их сгладить и душевно объяснить.

У нас была большая семья. Три брата женатых, мать, отец. Для невесток устанавливалась подёнщина (т.е. дежурство очередное по х-ву: топить печь, готовить пищу, кормить скот – свиней и поить коров). Тем двум невесткам мужья помогали (они больше дома были), а моей некому было помочь, правда, отец помогал пойло вынести коровам, т.к. одной лохань не донести. И через это моя жена была не доволь-

на мною, что я ей почти не помогаю.

В декабре м-це 1923 г. у нас нашёлся сын Николка, ещё труднее стало. Но через 9 мес. умер от скарлатины. В 1925 г. народилась дочь Мария, она месяца через 4 умерла от коклюша. В 1926 г. родилась дочь Анастасия. В конце 1926 г. мне предложили работать или секретарём Языковского с/совета, или зав магом на хут. Коротком. Но я согласился работать секретарём Языковского с/совета. Но стал собираться выехать туда, то моя Яковлевна не пускает меня и не собирает. Я решил наперекор, собрал все вещи и уехал. Через неделю пришёл домой на выходной. Она и не разговаривала со мной. Много усилий пришлось потратить, чтобы убедить в необходимости моей работы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.